

Алексей Дьячков. Рыбак с китайским термосом

Юрий Гудумак. Неизвестное продолжение экспедиции на «Сенявине»

Лариса Миллер. Глубь и мель

Александр Вейцман. Мандельштам и другие

Андрей Фамицкий. Мертвая вода

Александр Бараш. Археология

Ирина Машинская. Желтый карандаш

Феликс Чечик. Черно-белое счастье

Дмитрий Близнюк. Субмарина для двоих

Станислав Ливинский. Смотреть на снег

Борис Кутенков. Три сюжета

Анатолий Бузулукский. Профессор-птицелов

Алексей Дьячков

РЫБАК

С КИТАЙСКИМ ТЕРМОСОМ

КРУГИ

Над головой смыкается вода,
Не плоская, а выпуклая влага.
Прошла плотва, и чайка два крыла —
Куда? — ведь полетела же куда-то.

Слезится рыбий глаз, и всякий раз,
Когда с мостка солдатиком ныряю,
То детский чижик, то речной карась
В траве густой со мною умирают.

Раздробленное время, плоский свет —
Из пачки фото сыплются сквозь щели.
Слились два солнца на закате лет,
Подростка не дождавшись возвращения.

АПОСТОЛ

Сгорели дача и журавль с колодцем,
Ушел под воду мостик с головой.
В стекле автомобиля вспыхнув, солнце
Сверкнуло ослепляюще рекой.
Дым от костра и сизый дым от дома
Село и лес смешали вдалеке.
Осенний лист — от сложного к простому —
Приводит охру с рябью по реке.
Когда листву в саду на тени делят

Холодный вечер с ветром вкось и вкривь,
Не окисляясь серебро темнеет
Во влажных кронах вишен, яблонь, слив.
Застиран небосвод с полоской серой,
И сироты садовые темны.
Ты ничего теперь не сможешь сделать,
Себя от темноты не отделив.

РАЙОНКА

В углу аппендицитник, отходя
От заморозки, дрыгает ногами.
В другом — сердечник мучает меня.
Я сам тут на искусственном дыханье.
Гляжу в окно — мелькает снег не снег,
Заросший сквер, по веткам скачут белки.
На лавочке дымит вдали от всех
Боец в ворсистой войлочной шинельке.
Он вспоминает гада-старшину
И звезды в дырах серого брезента.
Тушенку из посылки, тишину,
Неспелый плод, завернутый в газету.
Пусть малокровье вдруг возьмет свое,
И он начнет сползать, кружиться, падать.
Подвижный свет, замерзшее окно,
Холодный снег, что не удержит память.
Влетят в проем товарищ боевой
И медсестра в оранжевых вьетнамках.
Кого еще просить побыть со мной,
Под утро чтоб не умереть от страха?
Я выйду к солнцу белый от седин.
От сна ночного путаются мысли.
Врачиха в холодильнике сидит —
Тильзит зацвел, а молоко прокисло.

•

Двор под листвою, ведь дворник не тверез. —
Рай продаю, а не раек недорого.
Хозяина гулять мохнатый пес
Выводит по совету кардиолога.

В кафе малыш к стеклу лицом приник,
Скучает мать, плывет сентябрь пожарищем.
Артель тепла, я слабый проводник,
Над вензелем заглавной пропадающий.

Взовьется закорючка воробьем,
Любая участь мертвой буквы лучше мне.
Я распишусь в бессилии своем,
Как долго я над первой строчкой мучаюсь.

Как долго возвращается домой
С войны солдат с дымящей папироскою.
Как долго в бане моется слепой,
Струю воды нащупывая в воздухе.

Как долго по углам полупустым
Неисцелимый — тапочками шаркает.
Так долго плачет над бобо своим
Запойный бомж, которого так жалко мне.

СВЕМА

На дверь поддавит Бог плечом,
И выйдет к нам с небес.
Река обратная течет,
С холма сползает лес.

Ржавеет лось, забыв испуг,
Завод в кустах продрог.

С дороги брошенной свернув,
К жилищу выйдет Бог.

В кварталах помолчит жилых,
И к нам зайдет во двор,
Где были безутешны мы,
Где нету нас с тех пор.

Где лист порхал то вверх, то вниз,
Не уставал порхать...
Где мы Его не дождались,
И разошлись искать.

ВСТРЕЧА

Терпеливо молчал, то избушку, то гробик
В моей карточке ржавым пером выводил,
Пока я, доходяга, колымский дистрофик,
Перед ним умирал, выбиваясь из сил.

Я скулил и ревел, вел себя неприлично,
То в коленях валяться, то руки лизать
Начинал, но никак не давал мне больничный,
Не хотел меня фельдшер дежурный спасать.

Не найти к его стылому сердцу отмычку,
Слезы деда-зэка не капель в феврале.
Не спасет меня крестик христианский обычный,
В нужном месте поставленный им в бюллетне.

Сколько в ночь разлетелось от ампул осколков,
Столько я поднесу на ладони к лицу.
Возвращаясь с ордою в барак с медосмотра,
На небритой щеке наморожу слезу.

ВАЛЬС

Апрельский мячик в сетке теннисной,
Сугроб расправил лодки борт.
Вот-вот рыбак с китайским термосом
Растает и под лед уйдет. —
Еще сутулится, не движется,
Пускает пар густой еще.
В архитектурные излишества
Весна вложила вещество. —
То вышкой ели, то пожарной
Сдирает с крыш пыльцу белил,
Чтоб человек закат из жалости,
Из состраданья полюбил. —
На берег тот с мостка музейного
Он близоруко щурит глаз.
Чернеет на снегу растения
Индустриального каркас.
Чернеет лес, поземка стелется,
И облако клубит бока,
Смотрясь в проталину, как в зеркальце,
И провожая рыбака.